

От «А» до «Я»*

* Печатается с сокращениями. Источник публикации: Календарь «Круг чтения», 1991 г.

Андрей БИТОВ

Ничего более русского, чем язык, у нас нет. Мы пользуемся им так же естественно, как пьём или дышим.<...>

Язык — тот же океан. Как бы ни были обширны и глубоки и тот, и другой, в них очень трудно добавить хоть каплю, хоть слово. Всего этого столько, сколько есть. Но — не больше. Сказать новое слово так трудно, что в чрезвычайную заслугу это ставится недаром. Огромное число понятий в нашем мире не оказалось достаточно важным, чтобы получить имя и войти в словарь. Хотя в самой жизни они, немые и безымянные, очерчивают собой сферы и сферочки достаточно отчётливые. Не названные одним словом, они могут быть определены лишь системой других слов. Даже статьи, даже целой книги может оказаться едва достаточно для определения нового понятия. Казалось бы, чрезвычайно неэкономно тратить много слов вместо введения нового, но одного знака, заменяющего, быть может, тонны бумаги. Однако пробиться в словарь — чрезвычайная честь, головокружительная карьера для нового понятия: словарь ревниво охраняет численность своего «поголовья».

Это проливает некоторый свет на природу литературы, которая, по сути, является подвижной частью устоявшегося языка, восполняя недостаточность числа словесных символов постоянным формулированием понятий текущей жизни, не оказавшихся настолько старыми или вечными, чтобы попасть в язык. Именно такими новыми, хотя и громоздкими словами являются новые книги и сами писатели: выступает имя собственное, но известное уже всем. Пушкин, Гоголь, Чехов — это уже слова, а не только имена. Им непременно соответствует нечто отчётливое в сознании. Даже слово «нос», существующее в языке, расширено словом «Нос», существующим у Гоголя... Писатели хорошо знают про себя, чего стоит новое слово: ввести слово в словарь — заслуга необычайно лестная. Можно сохранить молчаливое достоинство в отношении собственных сочинений, но не проговориться с гордостью, что именно тебе принадлежит слово «стушеваться», — не удержишься. О Карамзине уже мало что помнят живого, но с помощью восхищённой зависти писателей известно, что ему принадлежат слова «промышленность» и даже «общественность» — заслуга, ни с чем не сравнимая! Необыкновенный, таинственный аппарат признания работает через язык, регулируя численность устоявшегося и подвижного языка с необыкновенной точностью, тонкостью и беспристрастием, принципы которого нам не могут быть до конца известны. Каким-то образом именно в живой речи взвешивается масштаб, вес, гений, некая не смущённая ни нравственными, ни вкусовыми оценками значимость, приводя язык в пропорциональное отношение с живой жизнью. Здесь карьеры слов и подвижного запаса имён реальны, как и в жизни. Мёртвому слову может быть обеспечено лишь временное положение, но язык — неподкупен. Он может, правда, быть засорён, даже развращён, но эта вода и до сих пор способна очищаться, как дышит из последних сил океан, всё ещё справляясь с мусором человеческим. Словарь — это справедливый аналог мира, взятого в статистическом сокращении.<...>

В слове отнюдь не заключено раскрытие его смысла, в нём лишь координаты в пространстве материи и духа. Идеальная иерархия слов, как определил Л. Толстой, — чудо пушкинского языка. Выдумать слово можно, нельзя выдумать того, что оно обозначит. Как выводит язык эту общую заслугу предмета, понятия или имени, за которую принимает или не принимает в свои ряды, изгоняет или временно отравляется новым словом, — воистину тайна сия велика есть. Про неисчислимое число капель, составляющих океан, с уверенностью можно сказать лишь одно: что оно конечно, что первая капля будет первой и последняя — последней. Даль — это наш Магеллан, переплывший русский язык от «А» до «Я». И было у него **первое** слово, которое он записал, и было оказавшееся **последним**, предсмертное. Представить себе, что это проделал один человек, невозможно, но только

так оно и было. В результате этого подвига мы имеем не только четыре великих тома, не только сам словарь, но и новое осознание языка как не безразмерной вещи, а вполне конкретного, осязаемого организма (**живаго...**). Даль сумел назвать все известные ему слова одним именем: «Далев словарь» стало новым словом, и обнявшим, и поместившимся в нашем языке и сознании.

И для меня не просто символ, что из писателей пушкинского или послепушкинского поколения у постели умирающего Пушкина находился именно Даль, что именно ему достался простреленный пушкинский сюртук. Если пытаться осознать не только пушкинское наследие, но и пушкинское дело, не только место Пушкина в развитии и смене литературных течений и форм, но и его место в самой русской речи, то не кто иной, как Даль является его преемником и наследником. И если Даль и не гений, как Пушкин, то дело его гениально, и трудно даже вообразить, кому вообще оно могло быть по плечу и под силу. Вряд ли и он представлял, постепенно втягиваясь из забавы в коллекционерство, из коллекционерства в собирательство, какую непомерную и ни с кем не разделённую миссию взваливает себе на плечи... Никакое представление о научном подвижничестве с этим весом несравнимо. Вглядитесь в его удивительное лицо, попробуйте выделить главенствующее его выражение: вовсе ничего святого и постного — безумная страсть, бешеный темперамент! — только они могли помочь ему довести подобный труд до конца. Великий, первый наш природоохранник... Как поучительно, что тема охраны природы начинается в России с языка!